

Сергей Юрьевич Бытко

*Доцент кафедры уголовного права и процесса Поволжского института
(филиала) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России) в г. Саратове, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: sergej-bytko@yandex.ru*

Конфликт культур как причина рецидивной преступности

Аннотация: рецидивная преступность до настоящего времени остается весьма грозным в количественном и качественном отношении явлением. Поэтому уточнение ее причин и разработка мер противодействия свидетельствуют об актуальности предлагаемой статьи. Предметом исследования выступает рецидив преступлений, распределение его вероятности во времени после освобождения от отбывания наказания, причины и меры предупреждения этого явления. Предпринимается попытка объяснить рецидив преступлений через культурный конфликт, сторонами которого выступает, с одной стороны, лицо, освободившееся от отбывания наказания и усвоившее специфическую систему ценностей и правил поведения, характерных для осужденных, с другой стороны, все общество. Анализируются полученные автором данные о вероятности распределения рецидива преступлений во времени. Показано, что традиционный для отечественной криминологии подход, в соответствии с которым в качестве причин совершения преступлений называются деформации в духовно-нравственной сфере личности, не позволяет удовлетворительно объяснить характер распределения вероятности рецидива во времени. Однако предложенная в статье гипотеза о причинах рецидивной преступности дает непротиворечивое объяснение такого распределения. Приведенные в статье статистические данные получены автором в ходе анкетирования, проведенного среди осужденных, отбывающих уголовное наказание в местах лишения свободы, и являются новыми для криминологической науки.

Ключевые слова: рецидив преступлений, исправление осужденных, рецидивная преступность, уголовное наказание, адаптация осужденных.

Segej Jurievich Bytko

Associate Professor of the law and procedure Department of the Volga-region Institute (the brunch) of the All-Russian State University of Justice in Saratov, Candidate of Judicial Science, Associate Professor

Cultural Conflict as the Cause of Recidivism

Annotation: *on the author's opinion till nowadays recidivism is still formidable in its quantitative and qualitative means. That's why clarification of its causes and work out opposite measures justify actuality of the article. The objects of the article are recidivism, its probable increase in the period of discharge from enduring the punishment, causes, and preventing measures. The author of the article tries to interpret recidivism through cultural conflict between discharged individual who adopted specific valuable system and behavior manners and the whole society. The article also contains analysis of the authors' data concerning probability of spread of recidivism in timeline. It is showed that traditional approach of domestic criminology which determines the causes of crimes as deformation in inner moral individual's sphere doesn't allowed to find a fair explanation of the character of probability of recidivism spread in timeline. The author suggests recidivism hypothesis which gives non-conflict explanation of its spread. The given statistics is recent for criminal science. It was received by the author via questionnaire made among prisoners charges for criminal offences and serving sentences in placed of confinement.*

Keywords: *recidivism, correcting the convicted, causes of recidivism, criminal sanction, adaptation of the convicted.*

Исправление осужденных как одна из целей уголовного наказания предусматривается в ст. 43 УК РФ. В Уголовном кодексе ее содержание не раскрывается. В ст. 9 УИК РФ под исправлением понимается формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

В теории уголовного права по поводу возможности исправления осужденных путем применения уголовных наказаний существует несколько подходов. Сторонники морального исправления полагают, что в результате исправительного воздействия в личности осужденного должны произойти такие изменения, вследствие которых он будет воздерживаться от совершения преступлений не из-за страха наказания, а по сформировавшимся в процессе исполнения наказания убеждениям¹. В более развернутом виде эту точку зрения изложил А. Ф. Мицкевич, полагающий, что осужденный должен воздерживаться от новых преступлений под влиянием изменений, состоящих в формировании у него негативного оценочного отношения к преступным формам поведения, положительного отношения к общепринятым основным правилам поведения и готовности вести себя в соответствии с этими правилами².

Более реалистичная, на наш взгляд, позиция, занимаемая А. В. Наумовым, состоит не в том, чтобы превратить осужденного в высоконравственную личность, а в том, чтобы убедить и заставить его хотя бы под страхом наказания

¹ См.: *Непомнящая Т. В., Степашин В. М.* Проблемы назначения наказания. М., 2012. С. 41.

² См.: *Мицкевич А. Ф.* Уголовное наказание: понятие, цели и механизм действия. СПб., 2005. С. 144.

не совершать в будущем новых преступлений¹. Более радикальная позиция заключается в необходимости отказа от цели исправления в уголовном праве, поскольку она является недостижимой².

Изучение литературы показало, что противники сохранения цели исправления в ее нынешнем виде оперируют доводами, основанными на здравом смысле, справедливо отмечая, что средства, имеющиеся у органов, исполняющих наказание, в принципе не способны решать задачу исправления. Однако каких-либо эмпирических данных, подтверждающих их правоту либо опровергающих наличие исправительного эффекта уголовного наказания, они не приводят. К сожалению, в отечественной уголовно-правовой теории практика ведения дискуссий без опоры на проверяемые научные данные встречается достаточно часто.

Между тем противоположная позиция, предполагающая сохранение цели исправления, предлагает вполне объективный критерий, который мог бы свидетельствовать о достижении данной цели, — уровень рецидива преступлений³. Если исходить из того, что исправление сопровождается положительными изменениями в личности осужденного, проявляющимися в стремлении соблюдать нормы поведения в обществе, то действительно, рецидив можно рассматривать как проявление неэффективности исправительного воздействия наказания. И наоборот — отказ от повторения преступлений после освобождения от наказания в соответствии с такой логикой следует признавать свидетельством исправления.

Мы не будем рассуждать о том, что попытки определять достижение цели исправления путем анализа данных об уровне рецидива преступлений приводят к смешению и практическому отождествлению целей исправления и предупреждения новых преступлений. Нас интересует другая сторона вопроса — установление эмпирических данных, которые могли бы свидетельствовать о целесообразности сохранения в ст. 43 УК РФ цели исправления осужденных либо о необходимости отказаться от нее.

Уровень рецидива, рассматриваемый в качестве критерия эффективности исправительного воздействия уголовного наказания, в статистике представлен единственным показателем — удельным весом лиц, совершивших преступления при рецидиве преступлений, в общей массе осужденных. Однако этот показатель не раскрывает внутренней сложности рецидива, требует более детального рассмотрения.

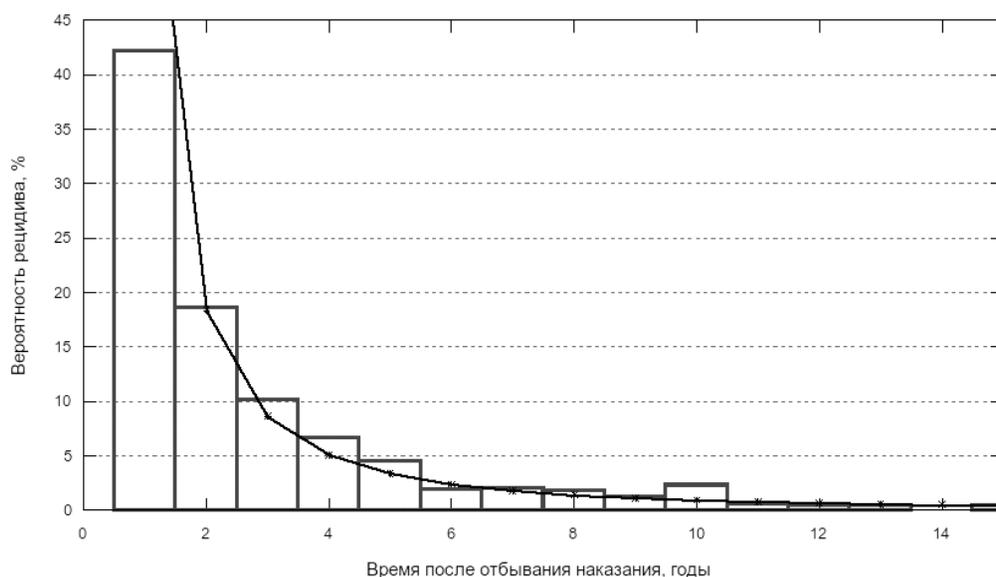
В ходе анкетирования осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, нами были получены данные о распределении вероятности рецидива во времени после освобождения. Если исходить из предположения, что рецидив преступления обусловлен неспособностью уголовного наказания исправить часть осужденных, то интерпретация с этой позиции графика, представленного на рисунке, вызывает ряд вопросов, ответить на которые удовлетворительно мы не можем.

¹ См.: *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 1996. С. 365.

² См.: *Миняева Т. Ф., Добряков Д. А.* Исправление осужденного (преступника) как цель наказания // *Евразийская адвокатура.* 2016. № 2. С. 63–66.

³ См.: *Фролова С. М.* Понятие эффективности исправительных работ применительно к несовершеннолетним осужденным // *Правовые проблемы укрепления российской государственности.* Ч. 54. Томск, 2012. С. 57–58; *Рагимов И. М.* Вопросы эффективности исправительно-трудового воздействия // *Правоведение.* 1978. № 5. С. 40–46.

Прежде всего, не ясны причины именно такого распределения вероятности рецидива. Если принять в качестве основной детерминанты преступлений, совершаемых при рецидиве, наличие деформаций в духовно-нравственной сфере личности, системе ее ценностей и т. п., то не ясно, почему такие деформации проявляются так несинхронно: наиболее интенсивно в первый год после освобождения от наказания, у большей части — во второй и последующий годы. Не ясно также, связана ли такая неравномерность с большей или меньшей степенью таких деформаций: свидетельствует ли совершение новых преступлений сразу же после освобождения о более сильных деформациях в духовно-нравственной сфере, либо наоборот, рецидив, проявившийся в более отдаленные периоды времени, является свидетельством серьезных деформаций, сохраняющихся в течение нескольких лет.



Распределение вероятности рецидива во времени после освобождения от отбывания наказания

Нерешенными остаются и такие вопросы: означает ли снижение вероятности рецидива со временем постепенное исправление бывших осужденных (тогда зачем нужно было их наказывать)? Связано ли такое снижение вероятности рецидива с возрождением страха перед повторными наказаниями или в данном случае имеют место некие случайные процессы?

Вопросы, подобные уже перечисленным, можно задавать еще долго. Для нас очевидно одно — устоявшееся представление о причинах рецидивной преступности не позволяет удовлетворительно объяснить характер распределения рецидива по времени после освобождения от отбывания предыдущего наказания.

При рассмотрении графика обращает на себя внимание то, что кривая, отражающая распределение вероятности рецидива во времени, демонстрирует поведение, характерное для так называемых диссипативных процессов, т. е. процессов, в которых первоначальная энергия системы (предмета, тела)

постепенно рассеивается. Например, сходный вид имеет график, отражающий скорость остывания воды, амплитуду выведенного из равновесия маятника. Возникает закономерный вопрос о том, какая же энергия проявляется в совершении преступлений при рецидиве: преодолевающая или смягчающая страх повторного наказания?

Нами была сформулирована гипотеза, отправными моментами для которой стали следующие факты.

1. Нами проводилось анкетирование осужденных по проблемам уголовного наказания. По результатам обработки анкет было обращено внимание на то, что в качестве мотива насильственных преступлений, совершенных при рецидиве, часто называлась месть за оскорбления со стороны потерпевшего. Характерно, что предыдущая судимость не обязательно была связана с насильем. У ранее не судимых подобные мотивы совершения преступлений весьма редки.

2. Лица, отбывавшие наказания, стараются общаться с себе подобными не только в быту, но и по работе. Нам доводилось беседовать с бывшим осужденным, который рассказывал о том, что в созданную им строительную бригаду он принимает только ранее судимых. Несудимым он не доверяет, они не держат своего слова, ненадежны и т. п. В то же время нравственные и деловые качества бывших осужденных он оценивает достаточно высоко.

Таким образом, причины преступлений, совершаемых при рецидиве, на наш взгляд, кроются не только и не столько в дезадаптации осужденных, отбывавших наказание в местах лишения свободы, сколько в том, что освободившиеся из мест лишения свободы лица сопротивляются такой адаптации, пытаются сохранить привычный строй мыслей, поведения, систему ценностей, приобретенные ими в период отбывания наказания. Подобная ситуация может быть охарактеризована как конфликт культур — тюремной субкультуры и правил и норм, характерных для несудимых¹.

И такое поведение характерно не только для осужденных, освобождающихся от наказания. В 1949 г. в СССР наблюдался всплеск преступности, причиной которого была демобилизация из рядов действующей армии. В период с 1945 по 1948 гг. предстояло демобилизовать около 11 млн человек. Согласно плану мобилизации на первых этапах подлежали увольнению военнослужащие старших возрастов и офицеры, имеющие специальности, необходимые народному хозяйству. Последние этапы затрагивали наиболее молодых и активных мужчин². Полагаем, что в течение короткого времени нормально обустроить такое количество мобилизуемых было невозможно. Бытовая, семейная неустроенность, разнообразные проблемы, с которыми сталкивались уволенные военнослужащие, вкупе с привычкой действовать в непривычной обстановке на «гражданке» привычными для военного человека методами закономерно приводили к совершению преступлений.

¹ Несомненно, попытки сохранить тюремную субкультуру и распространить ее на все общество выступают также в качестве общей детерминанты преступности. Подробнее см.: *Громонов В. Г.* Факторы, способствующие проникновению криминальной субкультуры в современное общество и приводящие к наступлению уголовной ответственности // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2007. № 12-2. С. 324–327.

² См.: Белозерцы в боях и труде [Электронный ресурс]. URL: http://pamyat.kurganobl.ru/pages_doc/8.pdf (дата обращения: 10.03.2018).

Стремление действовать в незнакомой обстановке привычными методами является некомфортным, энергозатратным состоянием, требующим от субъекта постоянной собранности, готовности отстаивать свои ценности. Со временем привычки и образ мыслей окружающих естественным образом усваиваются и перестают вызывать внутреннее отторжение, что приводит к снижению числа конфликтов и вероятности рецидива преступлений. Именно поэтому график вероятности рецидива так похож на графики диссипативных процессов.

Изложенная нами гипотеза о причинах рецидивной преступности позволяет, во-первых, обосновать вывод о том, что исправление осужденных в том виде, в котором оно реализуется в процессе исполнения наказаний, не оказывает значимого влияния на рецидивную преступность. Во-вторых, она позволяет предложить ряд мер по ее снижению.

В первую очередь, совершенствованию подлежит процедура подготовки к освобождению от отбывания наказания. Как представляется, подготовка к освобождению должна начинаться за 3 года (именно столько, судя по характеру распределения вероятности рецидива, требуется большей части осужденных для успешной адаптации после освобождения от наказания). В течение этого периода необходимо плавно смягчать режим отбывания наказания, увеличивать объем свободного времени, наращивать число контактов осужденных за пределами исправительного учреждения.

Особенно важным представляется постепенное смягчение условий отбывания наказания для всех осужденных, даже допускающих нарушение установленного порядка его отбывания¹. Предусмотренные в УИК РФ для таких лиц ограничения по переводу на облегченные условия отбывания наказания фактически приводят к тому, что эта категория осужденных не охватывается в полной мере мероприятиями по социальной реабилитации и, тем самым, программируется на рецидив преступлений в будущем. В данном случае имеет место коллизия между интересами предупреждения рецидивной преступности и необходимостью обеспечения порядка отбывания наказаний в учреждениях УИС. Преодоление указанного противоречия должно осуществляться с позиций приоритета цели специального предупреждения преступлений. Полагаем, что даже при обязательном смягчении условий отбывания наказания в условиях лишения свободы найдутся инструменты воздействия на поведение осужденных, позволяющие обеспечить соблюдение режимных требований.

Еще одно направление противодействия рецидивной преступности связано с обеспечением освобождающихся из мест лишения свободы лиц жильем и работой, предоставлением налоговых льгот для работодателей, трудоустривающих бывших осужденных, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания с условием участия освобождающихся лиц в крупных строительных инфраструктурных проектах, осуществляемых государством, и т. д. Максимальное снижение контактов с ранее судимыми, на наш взгляд, является важнейшим условием скорейшей социальной адаптации таких лиц и гарантией от рецидива преступлений.

¹ В специальной литературе мнение о необходимости распространения подобных мер на все категории осужденных высказал Б. З. Маликов. См.: Маликов Б. З. Механизмы социальной адаптации осужденных к лишению свободы в уголовно-исполнительном законодательстве // Теория и практика общественного развития. 2014. № 20. С. 102–104.

Пристатейный библиографический список

1. Громов, В. Г. Факторы, способствующие проникновению криминальной субкультуры в современное общество и приводящие к наступлению уголовной ответственности // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2007. – № 12-2. – С. 324–327.

2. Маликов, Б. З. Механизмы социальной адаптации осужденных к лишению свободы в уголовно-исполнительном законодательстве // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 20. – С. 102–104.

3. Минязева, Т. Ф. Исправление осужденного (преступника) как цель наказания / Т. Ф. Минязева, Д. А. Добряков // Евразийская адвокатура. – 2016. – № 2. – С. 63–66.

4. Мицкевич, А. Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизм действия / А. Ф. Мицкевич. – СПб. : Юридический центрПресс, 2005. – 329 с.

5. Непомнящая, Т. В. Проблемы назначения наказания / Т. В. Непомнящая, В. М. Степашин. – М. : Форум, 2012. – С. 41.

References

1. Gromov, V. G. Faktory, sposobstvuyushchie proniknoveniyu kriminal'noj subkul'tury v sovremennoe obshchestvo i privodyashchie k nastupleniyu ugolovnoj otvetstvennosti [Factors, leading to penetration of criminal subculture in modern society and criminal liability] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki. – 2007. – № 12-2. – P. 324–327.

2. Malikov, B. Z. Mekhanizmy social'noj adaptacii osuzhdennyh k lisheniyu svobody v ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve [Mechanisms of social adaptation of the convicted to imprisonment in the context of penal legislation] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2014. – № 20. – P. 102–104.

3. Minyazeva, T. F. Ispravlenie osuzhdennogo (prestupnika) kak cel' nakazaniya [Amending of a convicted (criminal) as the aim of punishment] / T. F. Minyazeva, D. A. Dobryakov // Evrazijskaya advokatura. – 2016. – № 2. – P. 63–66.

4. Mickevich, A. F. Ugolovnoe nakazanie: ponyatie, celi i mekhanizm dejstviya [Criminal penalty: definition, purposes, and mechanism of effect] / A. F. Mickevich. – SPb. : YUridicheskij centrPress, 2005. – 329 p.

5. Nepomnyashchaya, T. V. Problemy naznacheniya nakazaniya [Imposing Penalty Issues] / T. V. Nepomnyashchaya, V. M. Stepashin. – M. : Forum, 2012. – P. 41.